ПОДДЕЛКА ТЕКСТА КАК ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.
Доклад на Школе юного филолога, 04 июля 2012 г.
Лифшиц А.Л., доцент, НИУ ВШЭ (Москва)

В настоящем докладе автор не возьмётся рассказывать о всем многообразии мира подделок.

В 1800 году переводчик и секретарь русской миссии в Париже Петр Дубровский вернулся в Петербург с коллекцией рукописей. В ее составе было 400 западноевропейских рукописей и миниатюр, 94 восточных (на 15 языках) рукописи, около 50 славянских.

Это были рукописи из Бастилии и упраздненных во время Великой Французской Революции аббатств. Образованнейший дипломат прекрасно понимал, какие сокровища оказались вдруг в его руках.

Однако в России собранная им уникальная коллекция никого не заинтересовала всерьез.

Это теперь коллекция Дубровского – заметная часть собраний Российской Национальной (бывшей императорской Публичной) библиотеки и Эрмитажа. А в начале XIX столетия Средневековье русской публике еще не казалось таким далеким. Оно, и вправду, в России ощущалось много в чем, стоило только отъехать чуть-чуть от одной из двух столиц.

Что говорить о провинции! Даже такой у такого европейца до мозга костей, каким был Василий Андреевич Жуковский, почерк свидетельствует о получении поэтом и воспитателем цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II) начального образования от Цыфиркина и Кутейкина.

Так вот: коллекция Дубровского никого не заинтересовала. Чтобы привлечь внимание к привезенным ценностям, Петр Петрович решился пойти на фальсификацию. Он заявил, что древнерусские рукописи в его собрании – остатки библиотеки дочери Ярослава Мудрого Анны Ярославны, которая, как известно, была женой французского короля XI столетия Генриха I Капетинга и матерью Филиппа I.

Такая древность уже могла заинтересовать образованную публику. Но подтвердить принадлежность книг именно Анне Ярославне было весьма затруднительно. Ведь они вряд ли имели к ней какое-либо отношение.

Тогда Петр Петрович решил пойти на подлог. Он попросил отставного поручика и любителя древностей А.И. Сулакадзева сделать на одной из рукописей запись от имени Анны Ярославны. Что тот и проделал.

Вообще-то автограф Анны Ярославны известен – это надпись на жалованной грамоте малолетнего короля Филиппа I аббатству Св. Крепина в Суассоне.

Но тогда ни уровень науки, ни уровень любопытства не предполагали проведение какой бы то ни было экспертизы, и в 1805 году коллекцию приняли в дар в Императорскую публичную библиотеку и Эрмитаж. А сам Петр Петрович назначен хранителем в основанном при его участи «депо манускриптов» – отделе рукописей и получил квартиру в здании библиотеки.

На самом деле, поддельная надпись была помещена на сербской рукописи, которая в настоящее время по многим признакам датируется XIV веком, что, как вы понимаете, едва ли удалось бы осуществить Анне Ярославне.

Но еще раз повторю – и это важно для моего рассказа, – что уровень знаний рубежа XVIII-XIX столетий не позволял не только датировать рукописный памятник достаточно точно, но даже определить, на каком варианте славянского книжного языка он написан.

Уже упомянутый мной отставной поручик и потомок грузинских князей Александр Иванович Сулакадзев – фигура примечательная. Его деятельность вовсе не ограничилась подделкой подписи королевы Франции, жившей в XI веке.

Александр Иванович имел собственную большую библиотеку, в которой хранилось около трехсот рукописей. В составленном владельцем каталоге среди прочих редкостей значилась книга «Таинственное учение из Ал-Корана на Древнейшем арабском языке, весьма редкое — 601 года».

Как вы понимаете, в 601 году не только Корана, но и ислама еще не существовало.

Директор Императорской Публичной библиотеки Алексей Николаевич Оленин дважды посещал Сулакадзева и его рассказ об одном из таких посещений сохранился в составе мемуаров современника:

На полу лежала груда черепков и битых бутылок – якобы, это была посуда татарских ханов, найденная в развалинах столицы Золотой Орды; кипы старых бумаг, по утверждению Сулакадзева – новгородские руны; камень, на котором после битвы с

татарами на Куликовском поле отдыхал Дмитрий Донской, и дубина, похожая на пастушескую палку, – костыль Ивана Грозного.

Вежливый Оленин заметил хозяину, что на все эти предметы неплохо бы иметь хоть какие-нибудь исторические доказательства их подлинности. На что Александр Иванович Сулакадзев отвечал, что он честный человек и не станет обманывать.

Между тем, во многих архивах, музеях и библиотеках хранятся рукописи со следами деятельности Александра Ивановича. В Нью-Йорке хранится рукопись Служебника XIV века, на полях которого приписаны имена Владимира Святославича и Ярослава; в Историческом музее в Москве есть рукопись Устава церковного начала XV столетия, в котором той же рукой написано, что книга написана иноком Ларионом в память пребывания в Печерском монастыре в 1050 г.

Тонкий знаток и замечательный историк русской литературы академик Императорской Академии наук Александр Николаевич Пыпин в работе «Подделка рукописей и народных песен» писал о Сулакадзеве, что он был «не столько поддельщик, гнавшийся за прибылью, или мистификатор, сколько фантазер, который обманывал и самого себя». По мнению Пыпина, в своей деятельности Сулакадзев гнался за мечтой восстановить исчезнувшие памятники истории, объяснить события, о которых не осталось документальных свидетельств.

Такой «благородный» подход к фальсификациям – не редкость в ту эпоху, когда во многих странах происходит возрождение национального самосознания и интерес к прошлому своего народа. Кто не слышал о поэмах Джеймса Макферсона, приписанных им легендарному барду III века Оссиану? Ими зачитывалась вся Европа на рубеже XVIII-XIX столетий.

Хорошо известны подделки чешского поэта и филолога Вацлава Ганки, так называемые «Краледворская» и «Зеленогорская» рукописи.

Но вот важное свидетельство.

После смерти Сулакадзева его вдова пыталась продать коллекцию за астрономическую сумму. Замечательный историк и археограф, один из первых настоящих знатоков русской письменности Павел Михайлович Строев писал по этому поводу своему знакомому:

«*Еще при жизни покойника я рассматривал книжные его сокровища, кои граф Толстой* (знаменитый собиратель начала века, чье собрание хранится ныне в

Российской Национальной библиотеке) *намеревался тогда купить. ... подделки и приправки, впрочем весьма неискусные, на большей части рукописей и теперь еще мне памятны. Тогда не трудно было морочить*».

Собственно, любая подделка – и здесь мы, наконец, плавно переходим к разбору той надписи, о которой автор доклада и собирался рассказать с самого начала, – сводится к вопросу о том, трудно или нетрудно морочить потенциального адресата подделки.

Ах, обмануть меня нетрудно!..

Я сам обманываться рад…

Александр Сергеевич Пушкин писал совсем по другому поводу, но его формула вполне универсальна.

Те же чехи порой и сегодня не хотят верить, что рукописи Ганки – подделка. Как наши соотечественники готовы иногда до хрипоты рассказывать про дохристианскую руническую письменность славян. Или про полет на воздушном шаре за полвека до братьев Монгольфье подьячего Крякутн**О**го, придуманного тем же Сулакадзевым.

Обратной стороной медали становится желание увидеть подделку во всем. Боюсь, что даже чрезвычайно ясное по форме и абсолютно научное доказательство подлинности «Слова о полку Игореве», сделанное академиком Андреем Анатольевичем Зализняком, не убедило тех, кто яростно желает видеть в Мусине-Пушкине фальсификатора.

Но как понять, подлинник перед нами или фальшивка?

Автор доклада бы соврал, если бы сказал, что это всегда легко. *Порой* легко, особенно, если подделка выполнена вчера. А как быть с подделками, сделанными в далеком прошлом?

В Российской Национальной библиотеке хранится рукопись Евангелия XIV в., принадлежавшая когда-то полоцкому монастырю Иоанна Предтечи. На полях пергаменного кодекса находятся многочисленные записи о дарении земельных участков этой обители. И на последнем листе есть подобная запись, сделанная от лица князя, по имени Онуфрий. Проблема в том, что исторические источники ничего не знают о таком князе. Но источников мало, они далеко не все сохранились.

Однако характер письма, особенности языка позволяют считать, что в шестнадцатом веке кто-то сделал надпись, призванную уверить всех в том, что монастырь обладает землей на законных основаниях.

Как видите, для решения вопроса о подлинности далеко не всегда хватает какого-то одного параметра.

Некоторое время назад автора доклада позвали для проведения экспертизы. Частный коллекционер принес серебряную коробочку, вероятно, табакерку, которую специалисты по металлу определили как сделанную в XVIII веке (рис. 1). По сторонам коробочки читаются слова, которые складываются в надпись:

Лета 1707 Повелитиль въсия Росии Петр Алекксеивичь.

Все ли в порядке с этой надписью?

1. Знак тысяч (‡) расположен вровень с буквами кириллической цифири. В нормальном случае должен располагаться ниже уровня строки диагонально.

2. Обозначенная дата – 1707 год предшествует введению Петром гражданского шрифта (1708), следовательно, буква «А» должна писаться иначе.

3. Странная черта в нижней части буквы «А» свидетельствует о том, что резчик не был уверен в правильности написания.

4. Линии, образующие букву-цифру «З», заметно толще остальных.

5. Наконец: слово «*ЛЕТА*» требует постановки числительного в родительном падеже, что, скорее всего, и было бы отражено в надписи в виде слога –ГО после цифири.

6. Имя Петр никогда не писалось с буквой Ѣ (ять). Переход древнего звука [е] в звук [о] под ударением, как правило, не позволял писавшему путать буквы Е и Ѣ.

7. Конечная буква Ъ исправлена из начатой буквы Ѣ.

8. В имени Алексей буквой Ѣ может обозначаться только второй звук [е].

9. Буква ξ (кси) обозначает сочетание звуков [кс], а, значит, графема «К» перед ней – явное излишество. Гравер явно не знал, как она выглядит.

10. Буква І (и-десятеричное) обычно пишется перед буквами, обозначающими гласный звук.

11. Написание «И» в слове «повелитель» - детская ошибка, вероятность которой стремится к нулю.

12. Написание «въсия» в начале XVIII столетия прочитывалось бы как форма аориста (прошедшего времени) от глагола «воссиять». Правильно было бы: ВСЕЯ.

13. ВАЖНО! Никогда в титулатуре представителей верховной власти России не использовалось слово «повелитель».

Надпись на предмете предназначена для чтения! А вот как бы она читалась в нашем случае:

Лета Повелитель всея России 1707 Петр Алексеевич

Таким образом, нарушается синтаксическая связность текста.

И еще: Надпись, начинающаяся с даты, обязательно содержит информацию о том, что случилось в указанное время! А здесь нет ничего похожего.

В довершение всего мы видим, что изображение на крышечке снабдили усами, для большего портретного сходства с первым российским императором.

Таким образом, нет никаких сомнений, что надпись перед нами – подделка, выполненная исключительно для повышения рыночной стоимости предмета. И никаких романтических сантиментов.

Не те времена, к сожалению.

Ну а владелец коробочки был искренне огорчен.

Рис.1